

В этой великой стройке, которую ведет вся наша страна, есть ощутимая доля и народов Севера. Их участию в этих преобразованиях и посвящена заключительная глава книги — «На пути к коммунизму». Из среды хантов, манси, ненцев, вышли уже первые инженеры, сварщики, бурильщики. Только за последние шесть лет Сургутское строительное училище окончили 270 человек представителей малых народов Севера (стр. 233).

К сожалению, и в этой части книги имеются отдельные обидные недочеты, являющиеся следствием недостаточно критического подхода к источникам. Так, в числе ненцев фигурируют А. Фирсов и М. Киселев (стр. 127, 135), хотя первая фамилия принадлежит коми, а вторая — ханту. В. Шехов в одном месте назван ненцем (стр. 140), а в другом — хантом (стр. 160). В книге искажены некоторые ненецкие, селькупские и хантыйские фамилии: Теседа (вместо Тэседа), Панде (вместо Пандо), Каткалев (вместо Каткилев) и др.

В целом, однако, Л. Е. Киселев написал нужную, полезную книгу, расширяющую и дополняющую уже довольно обширный список литературы, посвященной истории социалистических преобразований у народов Крайнего Севера СССР. Эти работы пользуются интересом и вниманием не только в нашей стране, но и за рубежом, особенно в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, где сегодня на практике решаются вопросы некапиталистического развития экономики и культуры в условиях победившей народной власти. И опыт народов Крайнего Севера СССР, шагнувших от первобытнообщинного строя в социализм, с этой точки зрения, поистине неоценим.

В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко

Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, 239 с.

За последние годы как в советской, так и в зарубежной науке заметно возрос интерес к первой и самой продолжительной эпохе в истории культуры — палеолитической. При этом, пожалуй, особенно интересными, привлекающими пристальное внимание не только археологов, но и этнографов, антропологов, социологов, психологов являются проблемы, связанные с искусством эпохи палеолита. Достаточно в этой связи назвать труды по палеолитическому искусству А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, А. А. Формозова, А. Д. Столяра и других, хорошо известные в нашей исторической науке.

С изучением произведений палеолитического искусства были, в частности, связаны первые попытки найти истоки математических понятий в представлениях людей древнекаменного века. Еще в XIX в. эти вопросы привлекали внимание и получили некоторую разработку в трудах таких крупных ученых, как Бужэ де Перт, Эдуард Лартэ и других. В наше время поисками истоков астрономических знаний в палеолите путем скрупулезного, вплоть до микроскопического, исследования отдельных палеолитических предметов занимался американский ученый А. Маршак¹. Рецензируемый труд Б. А. Фролова, в котором привлечен и проанализирован более полный круг источников и проблем, является новым этапом в развитии наших знаний о глубочайших корнях современной цивилизации. Б. А. Фролов успешно применил предложенную им новую методику изучения орнаментики палеолита прежде всего с целью выявления преднамеренности нанесения отдельных орнаментальных элементов и связанных с этим закономерностей. Он изучил в сущности все известные памятники палеолитической графики на территории СССР и основные из них, открытые за рубежом. Анализу были подвергнуты все изображения — от, казалось бы, случайных, но ритмичных зарубок и даже царапин до очень сложных и подчас загадочных орнаментальных композиций.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, введения, трех глав, иллюстративного приложения и послесловия Б. М. Кедрова и А. П. Окладникова. В ней рассмотрены история открытия палеолитических изображений и дискуссии в связи с проблемами их содержания; проанализированы числовые закономерности в графике палеолита и обобщены результаты анализа, причем не только в историко-культурном, но и в социально-психологическом аспектах.

Ряд проблем, поставленных в рецензируемой книге, представляет значительный интерес для этнографии. Прежде всего это вопрос о возможности проведения аналогий между этнографическими свидетельствами и археологическими документами о первобытном обществе эпохи палеолита. В литературе существуют различные мнения — от бесспорной правомерности сопоставления этнографических материалов с культурами верхнего палеолита до почти полного отрицания какой-либо ценности таковых. Обе крайности, конечно, неприемлемы, они не ведут к конструктивному решению проблемы. Совершенно очевидно, что без привлечения живого этнографического материала и выделения из него древнейшего историко-генетического слоя находимые археологами фрагменты ценнейших культур палеолита останутся немymi.

Автор монографии вполне обоснованно обращается к опыту изучения богатейших материалов сибирской этнографии и археологии, без которых теперь вряд ли возможно

¹ A. Marshack. The roots of civilization. N. Y., 1972.

реальное продвижение в указанной проблематике. Рецензируемое исследование еще раз подтвердило справедливость гипотезы, выдвинутой в середине XIX в., о том, что палеоазиатские народы — живые носители древнейшей культуры Сибири. Однако если при выделении палеоазиатов исходили из данных их языков, то в свете достижений современной исторической этнографии сибирских народов все больше обнаруживается относительность этого критерия. Современные исследования убедительно показали, что многие автохтонные группы Сибири утратили свою прежнюю древнюю речь и восприняли языки смешавшихся с ними суперстратных компонентов, но сохранили при этом глубокий архаичный пласт в своей культуре, в своем хозяйственно-культурном типе. И это позволяет в определенной мере рассматривать эти народы как палеоазиатские, искать в их культуре ответы на загадки, которые ставят перед исследователем немые памятники древнейшего прошлого Северной Азии.

По существу Сибирь оказывается единственным уникальным районом земного шара, где мы можем проследить в какой-то мере более или менее непрерывную линию культурной эволюции от палеолита до недавнего прошлого. Б. А. Фролов приводит яркие доказательства этих связей в сфере искусства (стр. 113—145).

Очень важной для этнографии представляется проблема происхождения и начального (палеолитического) развития ряда исходных понятий математики и космологии. Существование и использование операций счета, понятий о числах в палеолитических коллективах автор доказывает на основе изучения около 300 произведений палеолитической графики, живописи, скульптуры (стр. 27—92). Итоги этого анализа есть и в иллюстративном разделе, и в статистических таблицах рецензируемой работы (первые 53 таблицы в Приложении). Заключение автора о систематическом применении ряда чисел и операций числения различными единицами в художественной деятельности палеолитических людей вполне обосновано и вряд ли может оспариваться.

При этом читатель постоянно ощущает своего рода дистанцию между привычными для человека XX в. понятиями о счете и числе и теми счетно-числовыми операциями, которые выявляются в графике палеолита. По сложившейся в свое время в этнографии традиции, идущей от Л. Леви-Брюля, такого рода дистанцию, казалось бы, можно было объяснить как результат пралогичности мышления первобытного человека. Подобные взгляды поныне отстаиваются рядом этнографов и психологов. Автор решительно выступает против подобного решения этой сложной проблемы. Обобщая археологические материалы нижнего и верхнего палеолита (стр. 94—118), Б. А. Фролов убедительно показывает, сколь сложными многоступенчатыми путями на протяжении многих тысячелетий происходило постепенное становление абстрагированной категории числа в сознании палеолитических людей. И то, что к концу палеолита этот процесс ознаменовался беспспорными достижениями в первичных математических представлениях, в логике их построения, со всей очевидностью выявленной в искусстве палеолита, — этот факт, наряду с рядом других, уже привлекавшихся исследователями первобытности, убедительно доказывает непримлемость концепции пралогичности первобытного мышления, созданной Леви-Брюлем (стр. 111, 112).

В кругу рассматриваемых в монографии проблем затронуты и вопросы этнокультурных различий в первобытных обществах эпохи палеолита. Как известно, определяющий вклад советских ученых в решение этой проблемы связан с исследованиями палеолитических поселений в бассейнах Дона, Десны, Ангары. Полученные Б. А. Фроловым данные при статистическом анализе ритмов палеолитической графики в наиболее полных комплексах находок на этих поселениях прекрасно дополняют уже известную картину локальных и этнокультурных различий палеолитического населения приледниковой Евразии. Наряду с «основными» ритмами, общими для всех стоянок (ритмы, кратные пяти и семи), выявились «дополнительные» ритмы, кратные четырем (в стоянках Авдеево, Костенки-1 на Дону), либо кратные трем (в стоянках Мезин на Десне, Мальта и Буреть на Ангаре). Разница ритмической организации произведений искусства — очень тонкий и важный показатель этнической специфики разных популяций. Автор впервые вводит этот показатель для характеристики различий этнокультурных традиций разных групп палеолитического населения Евразии. Через сопоставления типов ритмической организации орнаментов и типов пластических изображений фауны в искусстве разных палеолитических стоянок он обнаруживает связь этнических и космологических традиций в первобытных охотничьих коллективах ледниковой эпохи. Так, трехкратные ритмы орнаментов появляются вместе с изображениями птиц и змей, т. е. обитателей верхнего и нижнего миров архаической космологии. Напротив, четырехкратные ритмы сопутствуют исключительно изображениям обитателей среднего мира, наземных млекопитающих. В последнем случае в орнаментации появляется четырехконечный крестик, связанный с символической передачей горизонтальной оси космоса и четырех сторон света, четырех ветров и т. д.

Восстановление духовной культуры и мировоззрения палеолитических обитателей Сибири по аналогии их искусства с искусством народов Сибири, продвинутое благодаря исследованиям автора (продолжающим работы А. П. Окладникова, М. М. Герасимова, С. В. Иванова и др.), при всех несомненных успехах обнаружило и чрезвычайную сложность задачи, хотя эта аналогия оправдана для Северной Азии более, чем для любого другого района мира. Обратимся хотя бы к характерным особенностям космологических представлений древнейших сибиряков — обитателей стоянок Мальта и Буреть на Ангаре. Разделение вселенной по вертикали на три мира, отражение этого разделения в искус-

стве через образы птиц (верхний мир) и змей (нижний мир), через троекратные ритмы орнаментов у палеолитических охотников на мамонта в Мальте и Бурети такое же, как и через многие тысячелетия в дошаманских и шаманских верованиях ряда сибирских народов. Местное, сибирское происхождение этой весьма сложной системы воззрений на строение мира нашло весомые доказательства.

Столь же интересным и ценным является вывод автора относительно семиричной «модели мира» в традиционной культуре народов всех языковых групп Северной Азии, которая, по его мнению, восходит к палеолитическому охотничьему населению этой же территории, а не является плодом позднейшего заимствования из культур цивилизаций Передней и Восточной Азии. Тем самым первоначальные предположения такого рода о самобытности космогонических представлений у аборигенов Сибири, намечавшиеся в работах Л. Я. Штернберга, Б. О. Долгих, Е. А. Крэйновича и др., получили в монографии новое подтверждение.

Высказанное в свое время Б. О. Долгих мнение о том, что образы семи матерей-прародительниц, составившие основу пантеона у нганасан, могли сложиться лишь в эпоху материнского родового строя, также нашло подтверждение в монографии. При этом выявленная автором в графике и скульптуре мальта-буретской палеолитической культуры роль женского лунного календаря, связанная с исчислением беременности и срока родов, в определенной мере разъясняет особую роль мифологического образа Луны-матери у нганасан и их соседей. Наконец, нельзя не отметить установленное автором тождество оформления годового календаря на палеолитической пряжке из бивня мамонта в Мальте на Ангаре и на деревянном «вечном» календаре якутов (стр. 125). В итоге рассматриваются не, казалось бы, случайные, изолированные аналоги, а уже целые комплексы аналогий между традиционными культурами ряда современных сибирских этносов и культурами палеолита в Северной Азии. Монография Б. А. Фролова убедительно доказывает наличие в традиционных культурах народов Сибири древнейших историко-генетических слоев, восходящих к палеолитической эпохе. Выявление пока еще очень мало изученных древнейших историко-генетических слоев является необходимым этапом в исследовании этногенетических и этноисторических процессов в этой огромной части Евразийского материка.

Наряду с бесспорными, очевидными достоинствами, книга не лишена и отдельных недостатков и спорных положений. Привлекая этнографические материалы по сибирским народам, автор недостаточно учитывал различия в их происхождении — то, что одни из них — эскимосы, эвенки, нивхи и некоторые другие более или менее исконные жители Северной Азии, тогда как буряты, тувинцы, якуты и ряд других народов сложились в Сибири сравнительно поздно, на основе компонентов главным образом более южного происхождения. Поэтому далеко не все архаические черты в культуре последних могут рассматриваться как непосредственное наследие далеких палеолитических традиций населения Северной Азии.

На фоне уже упомянутого совпадения трюичных ритмов и характерных черт архаических космологических представлений у народов Сибири (сохранившихся вплоть до начала XX в.) и в палеолите Сибири несколько загадочной остается отмеченная автором в книге, без какой-либо попытки ее интерпретации, аналогия четырехтактных счетно-ритмических построений в палеолите Восточной Европы и у американских индейцев (стр. 142). Не является ли последнее примером конвергентного и независимого развития определенных представлений у культурно и генетически не связанных групп человечества? Все это требует чрезвычайной осторожности при подборе аналогий, что не в полной мере осуществлено в рецензируемой книге.

Следует также отметить, что, несколько увлекаясь, автор подчас выделяет лишь те изображения в рассматриваемой им графике, которые содержат определенные числовые наборы, хотя наряду с ними в тех же группах изображений встречаются и другие числовые сочетания изобразительных элементов, что делает подобное выделение малооправданным. Отметим это на примере рисунков в приложении к книге. Так, на табл. 60 (рис. 3) приведена группа из семи антропоморфных фигур на одной из писаниц Забайкалья. Однако среди тех же писаниц совершенно аналогичные фигуры образуют группы не только из семи, но и из двух, трех, четырех, шести, девяти фигур². На табл. 56 (рис. 2) приведены узоры «солнца» у тувинцев в виде спиралей с семью кольцами, однако не так уж редко у тувинцев встречаются спирали и с большим и с меньшим числом колец и никакого определенного смысла мастера в число таких колец не вкладывают, рассматривая их лишь как элементы узора. Вполне вероятно, что и в графических изображениях палеолитического времени число отдельных элементов далеко не всегда было связано с теми или иными математическими представлениями. Однако спорность обоснованности некоторых из приводимых в работе графических материалов никоим образом не служит препятствием к принятию основных выводов автора.

Как показала рецензируемая книга, продолжающая труды ряда других советских и зарубежных исследователей, использование сибирских этнографических материалов, а также данных этнографии коренного населения Северной Америки (эскимосов и индейцев) для познания духовной культуры палеолитического человека приледниковой зоны Евразии весьма продуктивно. Вместе с тем возникает необходимость выделения опреде-

² А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья, ч. 1. Л., 1969, табл. 79 сл.

ленных и достаточно строгих критериев в привлечении этнографических материалов для указанных целей, чего пока нет ни в книге Б. А. Фролова, ни в работах других исследователей. Хотелось бы надеяться, что эта проблема обратит на себя внимание специалистов, работающих в области теоретической этнографии и археологии.

Несмотря на отдельные частные недочеты, рецензируемый труд, вводящий читателя в целую область сложнейших и малоисследованных проблем ранней истории человечества, написанный глубоко и интересно, — несомненный вклад в советскую историческую науку. И нельзя не поддержать ту высокую оценку книги, которую дали ей в послесловии академики Б. М. Кедров и А. П. Окладников (стр. 237, 238).

Остается лишь выразить сожаление, что эта книга, которая, несомненно, представляет большой интерес для специалистов ряда наук, вышла столь незначительным тиражом — всего 2200 экземпляров и почти сразу после выхода стала библиографической редкостью. Есть все основания рассмотреть вопрос о ее втором издании.

С. И. Вайнштейн

В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Подготовила Н. А. Жирмунская. Л., 1974. 722 с.

Эта книга написана одним из крупнейших ученых XX в., синтезировавшим в своей многогранной, поразительной по широте диапазона исследовательской деятельности лучшие традиции отечественной науки. Сотни опубликованных трудов являются итогом его более чем полувековой творческой биографии, и, пожалуй, трудно назвать область современной филологии, в которую бы не был сделан вклад капитальными работами В. М. Жирмунского — действительного члена Академии наук СССР, члена-корреспондента и почетного члена пяти иностранных академий, почетного доктора трех зарубежных университетов. Это история и теория литературы (поэтика, стилистика, стихосложение), языкознание и фольклористика.

Путь В. М. Жирмунского к изучению народного эпоса шел через германистику. Он издавна занимался фольклором (немецкие песни и баллады) и книжным германским эпосом — как в русле историко-литературных исследований, так и в сравнительно-типологическом плане. Последний аспект закономерно приводил к предельному расширению круга рассматриваемых произведений, а работа по выявлению общих закономерностей развития эпического творчества возлекала в этот круг живые эпические традиции (славянских, финских, тюркских народов). Однако тюркский эпос никоим образом не был лишь одним из источников для сопоставительного анализа. Начиная с середины 40-х годов он несомненно находился в центре научных интересов В. М. Жирмунского, написавшего в этот период ряд книг и большое количество статей, посвященных данной теме.

Это совершенно особый случай, когда ученый с мировым именем и огромной филологической эрудицией приходит в область, совершенно для него новую. Приходит не с тем, чтобы заимствовать оттуда ряд примеров, подтверждающих выработанные ранее концепции, но с тем, чтобы именно в данной области, опираясь на свой богатейший исследовательский опыт, создать основополагающие, капитальные труды, без которых ее дальнейшее развитие становится просто немислимым. Такова как раз была роль В. М. Жирмунского в изучении тюркского повествовательного фольклора. Основные из этих работ (но далеко не все!) собраны в рецензируемой книге. Помимо статей и монографий, уже выходивших в свет, в нее включено не публиковавшееся ранее капитальное исследование «Эпические сказания о ногайских богатырях в свете исторических источников». Том в целом представляет собой планомерное, фронтальное исследование тюркской эпики — от архаических образцов до типологически поздних форм, включая основные эпические традиции и крупнейшие эпические памятники.

Бурные процессы государственно-племенных консолидаций, связанные с ними этногенетические перестройки, социально-экономические трансформации при долговременном сохранении кочевого скотоводческого уклада, в недрах которого в основном складывался и развивался героический эпос, — все это обусловило специфический облик тюркского эпоса, разветвление и обособление повествовательно-фольклорных традиций, полнота стадийный характер отдельных памятников и многообразие их редакций.

Помимо углубленного изучения фольклорного материала и исторических источников, автор опирался на эпосоведческие исследования своих предшественников и коллег, в то время не столь уж многочисленных и подчас посвященные лишь отдельным аспектам анализа тех или иных памятников и фольклорных традиций. Критическое рассмотрение и сопоставление различных, зачастую противоречивых и полемических, точек зрения на генезис и историю тюркского эпоса, тщательная проверка целого ряда гипотез дали возможность внести значительно большую ясность в представления о литературной истории таких произведений, как «Манас», «Китаб-и дэдэм Коркут» и др.

Книга, открывающаяся небольшим библиографическим очерком, посвященным истории собирания и изучения тюркского эпоса, состоит из пяти больших частей, в каждой